

**Методологическое новаторство В. Н. Перетца
в изучении истории литературы.
К 150-летию со дня рождения ученого**

В статье анализируются методологические взгляды академика В. Н. Перетца, выдающегося русского ученого и педагога. Отказавшись следовать канонам культурно-исторической школы русского литературоведения, ученый пытался в своих работах «Из лекций по методологии истории русской литературы» (Киев, 1914) и «Краткий очерк методологии истории русской литературы» (Пг., 1922) найти новые подходы к анализу литературных произведений. Он полагал, что «история литературы рассматривает и изучает формальную сторону памятников словесного творчества, ее эволюцию, оставляя историку культуры — изучение содержания, собственно идейную сторону памятников прошлого как таковую». Суждения Перетца были схожи с положениями, принятыми последователями школы русского формализма, членами ОПОЯЗа («Общества изучения поэтического языка»), и даже оказали определенное влияние на развитие формализма на начальном этапе. Это обстоятельство отмечали такие близкие к этому научному сообществу исследователи, как В. М. Жирмунский, и его активные члены, как Р. О. Якобсон. Родство теоретических положений Перетца с приемами школы русского формализма вызвало в 1920-е гг. критику со стороны последователей «марксистской» методологии. Перетц в спорах формалистов с «марксистами» явно сочувствовал первым, полагая, что они пытаются «воскресить филологию». Свою «Методологию» сам Перетц характеризовал как «не марксистскую» и питал слабые надежды на возможность ее публикации, хотя и продолжал работу над ней. Однако расширенная версия так никогда и не была им закончена и опубликована. Дважды за границей переиздавался его «Краткий очерк», прежде чем быть еще раз напечатанным на родине в 2010 г., спустя 88 лет после первого издания.

Ключевые слова: *В. Н. Перетц, В. М. Жирмунский, Р. О. Якобсон, П. Н. Сакулин, методология, история литературы, русский формализм.*

Имя Владимира Николаевича Перетца хорошо знакомо всем специалистам по истории древнерусской и украинской литературы раннего Нового времени, но особую известность ученый приобрел как создатель знаменитого «Семинария русской филологии», начавшего работу в Киевском университете в 1907 г. В период существования Семинария научную подготовку в нем получили многие видные ученые-филологи, а не только специалисты по средневековой литературе.

Важнейшим условием успешности научной работы Перетц считал работу с источниками. В данном случае он следовал заветам своего учителя А. И. Соболевского. Еще в начале своей научной карьеры Перетц интересовался у него возможностью защитить в качестве диссертации одну из своих работ. На это Соболевский в письме от 9 января 1896 г. отвечал: «Из “Кук[ольного] т[еатра]”¹ можно сделать диссертацию, но лишь такую, которая может пройти тихо, но может и вызвать шум и встретить препятствия. Ведь материала у Вас немного и он весь чужой, а исследование не даст других выводов, кроме очень мелких»². Здесь Перетц не только подчеркнул фразу в письме, но и сделал примечание на полях: «Верно!». И одним из основных принципов работы Семинария стало положение, четко сформулированное от имени его участников в книге, изданной к пятилетию Семинария: «Главное, чего мы стремимся избегать, — тем, где можно отделаться компиляцией по готовым пособиям, не обращаясь к источникам. Каждый должен научиться работать над сырым материалом, на “черном дворе науки”, как говорят некоторые ученые-белоручки; ибо без “черного двора” — нельзя попасть в блестящие чертоги подлинного, прочного знания»³.

В книге, посвященной двадцатилетию Семинария, отмечалось, что основным принципом, положенным в основу его работы, «всегда оставался *филологический* метод научного исследования как первый отправной момент всяких серьезных филологических

1 Перетц В. Н. Кукольный театр на Руси. Исторический очерк // Ежегодник имп. Театров, сезон 1894–1895 г. 1895. Кн. 1. С. 85–185. Приложение.

2 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 78. Л. 6.

3 Семинарий русской филологии при имп. Университете св. Владимира под руководством проф. В. Н. Перетца. Первое пятилетие. Киев, 1912. С. 7.

штудий»⁴. Подчеркивалось значение освоения филологического метода для других гуманитарных наук: «Подчас стремление к строгой научности работы, напоминающее в филологии принципы точных и естественных наук, создавало то, что даже в случаях отхода отдельных учеников от филологических наук в области иных научных дисциплин (напр., социальные науки, история музыки и др.) они чувствуют плодотворное значение филологической подготовки “школы В. Н. Перетца”»⁵.

Принципиальные положения филологического метода Перетц сформулировал в специальных работах, посвященных методологическим вопросам, и прежде всего в книге, озаглавленной «Из лекций по методологии истории русской литературы»⁶. В своем письме от 2 января 1914 г. своему учителю А. И. Соболевскому он писал: «Посылаю Вам книгу: чтите и не кляните, обобрал я и Вас, и Вас[илия] Мих[айловича] (Истрина⁷. — *М. Р.*) — но “честно” — везде поставил ссылки на пособия, кот[орыми] пользовался. Хоть выпустил без особой обработки — для студ[ентов] вместо литографич[еских] лекций, все же, вероятно — не ужоу кое-кому, и меня будут честить, особенно москвичи вроде Мих[аила] Нест[оровича] (Сперанского⁸. — *М. Р.*), которые до сих пор от публицистики в науке отойти не могут, и вместо истории литературы пишут историю чего угодно, кроме самой литературы. М[ожет] б[ыть], я и ошибаюсь, но — не могу себя переделать, и думается, что и впредь не смогу сочинять фальсификаций, вроде той, напр[имер], которую мне предлагал почтенный А. Е. Грузинский⁹ (чай, знаете?): по 3-м повестям древнерусским написать “Историю др[евне]р[усской] повести с культурно-историч[еской] точки зрения”. Я, конечно, отказался. Но ведь ни он, ни поклонники

4 Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. Участники Семинария — своему руководителю. Л., 1929. С. 28.

5 Там же. С. 30.

6 *Перетц В. Н.* Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучения. Методы. Источники / Корректированное издание на правах рукописи. Киев, 1914. VIII, 496 с.

7 Истрин Василий Михайлович (1865–1937) — литературовед, специалист по древнеславянским памятникам, академик Петербургской академии наук (1907).

8 Сперанский Михаил Несторович (1863–1938) — филолог, фольклорист и византист, академик Российской академии наук (1921).

9 Грузинский Алексей Евгеньевич (1858–1930) — литературовед.

Пыпинской¹⁰ и Скабичевской¹¹ “историй”¹² — никогда не поймут, почему я не могу так писать!..¹³»

Уже из этого письма видно, что для Перетца его книга была не только пособием для студентов; она содержала принципиальные положения, важные для литературоведения как науки. Поэтому неудивительно, что книга получила у некоторых коллег самые высокие оценки. Так, А. И. Яцимирский¹⁴ писал Перетцу девятого февраля 1914 г.: «От Вашей “Методологии” я в восторге, читаю с наслаждением и просил бы позволения свои мысли и дополнения напечатать в виде рецензии или статьи. А когда Вы будете печатать на правах книги, конечно, пришлю из своего запаса все, что пожелаете»¹⁵.

Отозвался и коллега Перетца из Новороссийского университета А. В. Рыстенко, которого ученый после своего избрания академиком в том же 1914 г. предполагал сделать своим преемником в Киевском университете. Он писал Перетцу 14 июня 1914 г.: «С интересом читаю Вашу “Методологию”, слежу за “Отчётами”¹⁶... Вот когда, с переходом Вашим в Академию, откроется для Вас возможность чистой научной работы, не прерываемой лекциями!»¹⁷

Однако Перетца не привлекала возможность прекращения преподавательской деятельности, напротив, он активно начал строить свой Семинарий «уже на новой почве»¹⁸. Литографированные издания его лекций не остались и без внимания научной молодежи. Ю. Г. Оксман¹⁹

10 Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) — литературовед, этнограф, академик Петербургской Академии наук (1898). Виднейший представитель культурно-исторической школы в русском литературоведении.

11 Скабичевский Александр Михайлович (1838–1911) — литературный критик и историк литературы.

12 Имеются в виду работы по истории русской литературы Пыпина (*Пыпин А. Н. История русской литературы*. СПб., 1898–1899. Т. 1–4) и Скабичевского (*Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы*. 1848–1908 гг. СПб., 1909. 7-е изд. VIII, 487 с.).

13 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 250. Л. 4–6.

14 Яцимирский Александр Иванович (1873–1925) — филолог-славист.

15 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 97. Л. 56об.

16 Имеется в виду публикация «Отчетов» о научных экскурсиях Семинария русской филологии.

17 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.

18 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 14.

19 Оксман Юлиан Григорьевич (1894–1970) — литературовед.

вспоминал: «С осени 1914 г. прист[упил] к чтению лекций и к ведению семинария по др[евней] рус[ской] лит[ературе] в С.-Петерб[ургском] унив[ерситете] акад. В. Н. Перетц, переехавш[ий] в Петерб[ург] из Киева после избрания акад[емиком]. (Большой соблазн объединиться вокруг Перетца). Вся наша группа пушкинистов присут[ствовала] на вст[упительной] лекции В. Н.»²⁰. Но Перетц был резок в суждениях о коллегах и их научных достижениях не только в своих письмах, и это обстоятельство произвело отрицательное впечатление на членов Пушкинского семинария С. А. Венгерова²¹.

Как писал Ю. Г. Оксман: «...его грубые нападки на изуч[ение] рус[ской] лит[ературы] XIX в. вообще и на пушкиновед[ение] в частности оттолкнули большую часть студ[енческого] актива от участия в сем[инарии] Перетца. Перешли к Перетцу С. Д. Балухатый²², С. А. Еремин²³, Никифоров²⁴ сохранил “двойное подданство” [нрзб], а все прочие остались верны Пушк[инскому] сем[инарию]»²⁵. Возможно, что в лекциях Перетц задел и Венгерова, который принадлежал к уже устаревшему, по мнению ученого, культурно-историческому направлению, что вызвало естественную обиду у участников этого семинария.

Юные студенческие активисты не могли себе представить, что у Перетца, как бы сейчас выразились, «древника», были весомые профессиональные основания подвергнуть труды специалистов по истории литературы XIX в. жесткой критике. Потому сложившаяся ситуация представлялась им, как вспоминал Оксман, следующим образом: «Дурные манеры провинциал[ьного] ученого сноба оттолкнули меня и моих ближ[айших] друзей (Тынян[ова]²⁶, Масл[ова]²⁷, Комаров[ича]²⁸) от приобщения к этому кладезю филол[огической] науки». Это умо-

20 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 179. Л. 44.

21 Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — литературный критик, историк литературы, библиограф.

22 Балухатый Сергей Дмитриевич (1892–1945) — литературовед, член-корреспондент Академии наук СССР (1943).

23 Еремин Степан Антонович (1886 — после 1931) — филолог-славист.

24 Никифоров Александр Исаакович (1893–1942) — филолог и этнограф.

25 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 179. Л. 44–44об.

26 Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) — писатель, поэт, драматург, сценарист, переводчик, литературовед и критик.

27 Маслов Георгий Владимирович (1895–1920) — поэт.

28 Комарович Василий Леонидович (1894–1942) — литературовед.

заключение о провинциальности петербуржца Перетца выглядело особенно курьезным в устах четырех студентов, приехавших в Петроград из провинции. Внимания заслуживает следующее признание, по-видимому, общее для Оксмана и всех его друзей: «Мы предпочитали его книгу личным отношен[иям], тому, что он читал»²⁹. О том, что под книгой имелось в виду упоминавшееся выше издание «Методологии» Перетца, нет никаких сомнений. Данное обстоятельство было впервые отмечено в комментариях к изданию статей Ю. Н. Тынянова³⁰. В тех же комментариях филологи, специалисты в том числе и по истории русского формализма, отмечали «несомненную близость раннему Опоязу»³¹ некоторых положений Перетца, утверждавшего целью историка литературы «изучение формальной стороны литературных произведений, того, «как» выразил поэт свою идею, а не того, «что» выразил он»³².

Желание превратить курс лекций в полноценную книгу не оставляло ученого даже в труднейших условиях Гражданской войны, в период общей смуты и разрухи, во время его работы в Самаре. Перетц писал 11 июля 1919 г. Никольскому³³: «Пробую заниматься пересмотром своего курса методологии»³⁴. Эти занятия закончились вполне успешно, труд был подготовлен к печати. Уже 17 октября 1920 г. Перетц с долей нетерпения сообщал Истрину: «Государст[венное] издательство (его Сам[арское] отделение) собирается печатать краткий Курс методологии истории лит[ературы], кот[орый] я написал в авг[усте] — сент[ябре]. Но сможет ли при ужасной типографской разрухе — сомневаюсь. Оригинал — лежит!»³⁵ В попытку продвинуть дело с изданием включились студенты, о чем свидетельствует письмо

29 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 179. Л. 44об.

30 Чудакова М. О. [Комментарий к статье «Георгий Маслов»] // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / сост. Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М., 1977. С. 452.

31 ОПОЯЗ — «Общество изучения поэтического языка» — объединение теоретиков литературы и лингвистов, представителей «формальной школы».

32 Тоддес Е. А., Чудаков А. П., Чудакова М. О. [Комментарий к статье «Литературный факт»] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 514.

33 Никольский Николай Константинович (1863–1936) — литературовед, библиограф, академик Петербургской академии наук (1916).

34 СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 559. Л. 63об.

35 Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 118. Л. 39–39об.

от 10 февраля 1921 г., направленное Соболевскому: «Издательский студенческий комитет Социально-исторического факультета Самарского государственного университета предпринял переиздание курса методологии русской литературы академика В. Н. Перетца (“Из лекций по методологии русской литературы”, Киев, 1914 г.). Но вследствие целого ряда причин издание этого насущного пособия для учащихся высшей школы тормозится и откладывается в дальний ящик; поднялся даже вопрос о необходимости и научной ценности данного пособия. Ввиду того, что означенный курс в равной степени необходим для всех русских университетов, где идут занятия по русской литературе, Издательский комитет просит Вас, как представителя кафедры истории русской литературы Московского университета, присоединить Ваше компетентное мнение к ходатайству Издательского комитета, дабы придать ему больший вес в глазах Государственного издательства.

По возможности просим присоединить просьбу студенчества, работающего по вышеуказанной кафедре». Под текстом подпись «Председатель Комитета Мих[аил] Каргер»³⁶. Судя по тому, что название университета «Московский» вписано в машинописный текст от руки, письмо рассылалось и по другим университетам. Однако и эта инициатива не повлияла на перспективу издания Курса в Самаре.

Будущий известный ленинградский археолог М. К. Каргер³⁷ не состоял постоянным членом Семинария Перетца, но посещал его лекции и в Самаре, и после переезда в Петроград. Возможно, поэтому он счел возможным обратиться к ученому с просьбой, а тот, в свою очередь, живо откликнулся на нее. Так, 10 ноября 1925 г. Перетц просил знаменитого юриста, почетного академика А. Ф. Кони «помочь добрым советом» Каргеру, «моему слушателю по Университету». «Он, — писал ученый, — пострадал в одном деле — по-моему, незаслуженно. Но вследствие болезни сердца я лишен возможности лично быть ему полезным. К тому же я не обладаю сотою долею того авторитета, который имеете Вы»³⁸.

После возвращения в 1921 г. в Петроград Перетц начинает свою преподавательскую деятельность не только в Университете, но и в Институте истории искусств, который по старой памяти продолжали

36 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 181. Л. 1

37 Каргер Михаил Константинович (1903–1976) — археолог, историк архитектуры.

38 РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1284. Л. 1.

называть «зубовским». И если впечатление о студентах в университете не радовало Перетца («Я начал лекции, — писал он Соболевскому³⁹ 21 октября 1921 г., — слушат[елей] много. Но все — зеленая молодежь, им еще гимназия нужна, начитанность = 0»⁴⁰), то впечатление от слушателей в Институте истории искусств было совершенно другим. Об этом можно узнать из письма к Перетцу уже упоминавшегося его ученика, в то время профессора Самарского университета, С. Д. Балухатого. Письмо свидетельствует о том, что именно методологические наблюдения Перетца оказались в этом институте поняты и востребованы. Итак, Балухатый писал 21 июля 1921 г.: «Приятно было читать Ваши строки о докладах в Институте — работы этого учреждения и их стремления мне понятны. Я не удивлен, но душевно обрадован сердечным отношением литературной молодежи этого Института к Вам. Именно Ваши мысли в “Методологии” и Ваши беседы наталкивали на рациональный стилистический анализ произведений и новой литературы. В этом смысле идейная связь между Вами и все растущей группой “стилистов” несомненна, и остается пожелать увидеть Вам в скорейшем времени и непрменные результаты Вашей закваски»⁴¹.

С не меньшим энтузиазмом о молодых сотрудниках того же института отозвалась в своем дневнике Е. П. Казанович⁴², на которую их научные поиски произвели сильное впечатление. «Талантливый кружок словесников собрался в Зубовском институте, — записала Казанович 10 октября 1921 г. — Жирмунский⁴³ их объединил, или это объединение идет из первоисточника — и университетского семинария, — не знаю, но только делают они интересную и полезную

39 Соболевский Алексей Иванович (1856/1857–1929) — филолог-славист, академик Петербургской академии наук (1900).

40 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 15об.

41 РО ИРЛИ. Ф. 25. Д. 216. Л. 3об. Что касается Балухатова, как отмечалось в первом томе Литературной энциклопедии, вышедшем в 1930 г., он, «будучи учеником акад. В. Н. Перетца, применяет его филологические принципы к изучению произведений новой русской лит-ры» ([Без подписи] Балухатый Сергей Дмитриевич // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929. Т. 1. Стб. 717).

42 Казанович Евлалия Павловна (1885–1942) — литературовед, библиотечарь Пушкинского Дома.

43 Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) — литературовед, академик Академии наук СССР (1966).

для науки, хотя, может быть, и слишком узкую, по мнению некоторых старых ученых, работу, делают ее бодро, молодо, талантливо. Они применяют новые ученые методы, стремятся поставить словесность на новый путь, отчасти указанный Веселовским, и научиться у них есть чему. Есть среди них и совсем оригинальные дарования, как Виктор Шкловский⁴⁴, маленький гений; есть и более обычные, как сам Жирмунский; есть и не вполне еще выяснившиеся — как Виноградов⁴⁵. Последний открывает своими этюдами о Гоголе⁴⁶ новую страницу в изучении этого крупного, причудливого художника»⁴⁷. Упомянутый в записи Жирмунский был председателем Отдела словесных искусств Института, а Перетц возглавлял в том же Отделе Секцию поэтического фольклора.

С 1922 по 1930 г. при Институте существовало знаменитое издательство «Academia». Возможно, что одной из первых научных книг, опубликованных в издательстве, была работа Перетца «Краткий очерк методологии истории русской литературы»⁴⁸. Уже шестого марта 1922 г. он сообщал Соболевскому: «Одно большое издательство, “Academia” (но несколько не менее хищное, чем другие детища НЕР’а), напечатало краткий конспект моих лекций по введению в Историю русской литературы. Если Гофман⁴⁹ согласится взять для Вас и Михаила Несторовича (Сперанского. — М. Р.) экземпляры — то я пришлю с ним. А по почте — боюсь: пропадет,

44 Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — писатель, литературовед.

45 Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969) — лингвист-славист, академик Академии наук СССР (1946).

46 Первый доклад Виноградова о сюжете «Невского проспекта» был прочитан 22 мая 1921 г. на заседании Общества изучения художественной словесности при Российском институте истории искусств, второй — 25 сентября (*Виноградов В. В.* Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» // Начала. Пг., 1921. № 1. С. 82–105).

47 ОР РНБ. Ф. 326. Д. 18. С. 177–178.

48 *Перетц В. Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. Пг., 1922. 164 с. Эту книгу Перетц на странице, предшествующей «Предисловию», сопроводил особым посвящением своим ученикам и привел их список (33 фамилии) с указанием места работы и должности.

49 Гофман Модест Людвигович (1887–1959) — литературовед, пушкинист.

как теперь говорится⁵⁰). Это же письмо свидетельствует о том, что ученый внимательно следил за работами своих коллег по Институту. «Молодежь наша, — писал Перетц, — умеет находить издателей: видели вы “Гавриладиу”, изд[анную] Томашевским⁵¹, новые книжечки Гофмана, Эйхенбаума⁵², Жирмунского? — и шрифт, и бум[ага] отличные. О содержании — скажу — на любителя. Но Томаш[евский] и Гофм[ан] — дельные люди»⁵³.

Какие же общетеоретические положения из книг Перетца могли привлекать научную молодежь, настроенную на поиски новых подходов к изучению истории литературы? Ученый считал, что «предметом истории литературы — является сама литература, а не биография, не история и психология творчества отдельных лиц; что литература — есть поэзия, а поэзия — это то, что, будучи выражено в слове, независимо от целей и намерений автора, внушает нам, “суггестирует” известные настроения, заставляет нас, в силу свойств избранной поэтом формы, в которую облечены его идеи, — переживать и чувствовать эти идеи. Таким образом для нас суть заключается не в какой-то “черте”, отделяющей памятник, имеющий культурно-историческое значение, памятник “прозаический”, от памятника литературного, “поэтического”, которую когда-то разыскивали последователи культурно-исторической школы, а в том, что история литературы рассматривает и изучает формальную сторону памятников словесного творчества, ее эволюцию, оставляя историку культуры — изучение содержания, собственно идейную сторону памятников прошлого как таковую». И далее: «...история создания этих памятников, их источники, отношение к последним авторов, стиль этих памятников и своеобразие композиции — все это остается предметом изучения историка литературы»⁵⁴.

Для Перетца было важно подчеркнуть, что многочисленные научные методы гуманитарной науки, «кроме филологического, статистического и сравнительно-исторического, в изолированном

50 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 20–20об.

51 Томашевский Борис Викторович (1890–1957) — литературовед, текстолог.

52 Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) — литературовед.

53 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 20об.

54 *Перетц В. Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. С. 19.

применении влекут за собой исследователя в область не историко-литературных вопросов» и оставляют без внимания «существеннейшую сторону творчества в слове — самое слово, формы творчества, существенную сторону, составляющую отличие истории литературы от других исторических наук»⁵⁵. «Предметом историко-литературного анализа, — продолжал ученый, — является изучение истории развития сюжетов, их понимания и трактовки авторами разных эпох; изучение композиции и стиля как выразителя духа эпохи и индивидуальности поэта. Таким образом, история литературы — не есть только история книг, или только история идей самих по себе. Она есть история литературных форм, воплощающих идеи, и идей — поскольку они влияли на эволюцию форм»⁵⁶.

В деловой записке руководству Пушкинского дома в 1933 г. Перетц подчеркивал: «Вряд ли надо в наше время подробно доказывать, что каждый памятник словесного творчества, каково бы ни было его содержание и первоначальное назначение, может быть изучен и как продукт именно словесного искусства, с точки зрения его стилистики, художественного словесного оформления [...]. Таким образом, в выборе материала для изучения принципиальной разницы между историком новой и древней литературы нет». И далее: «Ни идеалистическое, ни материалистическое освещение литературного материала невозможно до тех пор, пока самый материал не будет переработан приемами строгой филологической критики. И в этом моменте работы, первом, во всяком правильно построенном научном исследовании, историк новой и древней литературы сойдутся на одном и том же методе...»⁵⁷

То, что теоретические принципы, выработанные Перетцем, возможно, оказали влияние на взгляды молодых исследователей, составивших в будущем школу русского формализма, отметил Жирмунский. В статье «К вопросу о “формальном методе”», опубликованной в том же издательстве «Academia» на следующий год после выхода «Краткого очерка» Перетца, он писал: «Расширение научного кругозора в сторону формальных вопросов отчетливо намечилось за последнее десятилетие, отчасти под влиянием известных работ ак. Ал-дра Ник. Веселовского

55 Там же. С. 101.

56 Там же. С. 102.

57 *Рождественская М. В.* К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932–1947 гг.) // ТОДРЛ. СПб., 1989. Т. 42. С. 9.

и А. И. Потебни, методологических указаний ак. В. Н. Перетца и лингвистических теорий проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ»⁵⁸.

Через год в программной статье «Задачи поэтики» Жирмунский уже прямо указывал на значение в этом отношении лекций Перетца: «Вопрос о пересмотре методов изучения литературы чаще всего приводил к решению, что поэзия должна изучаться как искусство и что обычные построения проблем истории культуры “на материале” художественной словесности должны уступить место поэтике исторической и теоретической. В этом отношении существенные вехи были поставлены уже в 1914 г. акад. В. Н. Перетцем в его “Лекциях по методологии истории русской литературы”»⁵⁹.

Работы самого Жирмунского произвели на Перетца самое благоприятное впечатление. Несколько позже, во время кампании по выборам в Академию в 1926 г., Перетц писал 26 января Сперанскому: «У меня есть на примете молодой кандидат. Скоро о нем, м[ожет] б[ыть], услышите в Москве — поедет к родным, а заодно и где-нибудь докладец прочтет: это В. М. Жирмунский. [...] Его дело — в будущем, когда немного подрастет»⁶⁰.

На методологические положения Перетца в их соотношении с положениями формализма обратил внимание и Р. О. Якобсон, сам бывший активным участником ОПОЯЗа, в своих лекциях, читанных в университете г. Брно в 1935 г. Характеризуя работу Перетца 1914 г. «Из лекций по методологии истории русской литературы», Якобсон отмечал ее новаторские положения. Он писал: «Перетц осуждает характерное для того времени неразличение поэтической функции и познавательной функции. Он приходит к заключению, что жизнь, как ее описывает литература, не является изображением действительности, но поэтической творческой функцией. Он заявляет, что основная задача литературного историка — не содержание произведения, а то, как оно выражено». «Важной стороной литературы для него, — продолжал Якобсон, — становится форма в широком понимании этого термина, и эту формальную точку зрения Перетц считает единственно возможным отправным пунктом для историка литературы. Он определяет историю литературы как историю литературных форм,

58 Жирмунский В. М. К вопросу о «формальном методе» // Вальцель О. Проблема формы в поэзии. Пг., 1923. С. 6.

59 Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Задачи и методы изучения искусств. Пг., 1924. С. 126.

60 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 94.

воплощающих идеи и истории идей только постольку, поскольку они влияли и влияют на развитие форм»⁶¹.

Следует отметить, что некоторые ученики Перетца, прошедшие школу его Семинария, использовали в своих исследованиях методы, сближавшие их с методологическими поисками ОПОЯЗа. Так, Эйхенбаум в письме 11 октября 1925 г. Б. М. Ляпунову отзывался об А. Н. Имшенецкой-Жилинской, состоявшей членом Семинария Перетца со дня его основания в 1907 г.: «Я знаю Анну Николаевну давно, и как раз на днях познакомился с ее работой о метафорах в языке Лермонтова. Работа эта состоит из теоретического вступления о метафоре вообще и подробной классификации лермонтовских метафор. Работа — интересная, тщательная и в научном отношении совершенно зрелая. Она свидетельствует о широте интересов и знаний Анны Николаевны, примыкающей к той группе современных лингвистов (Якубинский⁶², Виноградов, Бернштейн⁶³), которые занимаются изучением “поэтического языка”. Для нашего факультета такие руководители очень нужны, потому что они подготавливают студентов не только к чисто лингвистической работе, но и к занятиям по стилистике и теории литературы»⁶⁴.

Переписка Перетца со Сперанским свидетельствует и о том, что он и после публикации «Краткого очерка» продолжал работу над новым изданием своей теоретической работы, хотя для ученого становилось все очевиднее, что ему вряд ли удастся реализовать свои замыслы. Так, 26 марта 1925 г. он с горечью писал: «А тут еще мне подложили гадость. Я Вам говорил, что в Унив[ерситете] я уже 2-й год лишен права читать Методологию ист[ории] литер[атуры], ибо для этого нужен “спец” иного покроя [...] субъект, кот[орый] “завоевал” у меня методол[огию], — некий Назаренко⁶⁵». И в этом же письме:

61 *Якобсон Р. О.* Формальная школа и современное русское литературоведение. М., 2011. С. 40.

62 Якубинский Лев Петрович (1862–1945) — филолог, лингвист.

63 Бернштейн Сергей Игнатьевич (1892–1970) — лингвист.

64 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 359. Л. 1–2.

65 Назаренко Яков Антонович (1893–1985) — профессор Ленинградского университета. Его учебник «История русской литературы XIX в.» к 1931 г. выдержал девять изданий, а в 1931 г., как отмечено в Литературной энциклопедии, «эта немарксистская и ненаучная книга была разоблачена» и осуждена за извращение марксизма ([*Н. Л.*] Назаренко Яков Антонович // Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1934. Т. 7. Стб. 575).

«О подделках — материала много; у Хлуд[ова] (опись Попова) — в прибавл[ениях] целая группа таких рукоп[исей]. Я ими тоже собрался заняться — на всякий случай, ежели, напр[имер], моя не марксистская Методология найдет себе издателя»⁶⁶. Этой надежде не удалось осуществиться.

Следует отметить, что методологические работы Перетца интересовали и приверженцев так называемого социологического направления в литературоведении. П. Н. Сакулин⁶⁷ отмечал, между прочим, в письме Перетцу от 1 октября 1926 г.: «Нечего говорить, с каким исключительным интересом штудировал я Ваши лекции по методологии. Методологические проблемы издавна были предметом моего пристального внимания, и для меня важно было свои мысли сверять с Вашими взглядами. В ваших научных работах меня всегда поражали точность анализа, острота и свежесть подхода и широта кругозора. Не говоря, разумеется, об огромной эрудиции»⁶⁸. Это внимание со стороны Сакулина к его работам у Перетца восторга не вызывало. Так, несколько ранее, 13 января того же года, он писал Сперанскому: «От Сакулина я получил его новый елаборат: цитаты и цитаты из книг, не только плохо переваренных, но порою даже просто непонятых. Он так изложил, напр[имер], мои соображения о периодизации, что я диву дался; упустил из виду самое существенное — невозможность абсолютно периодизировать литературу, ибо в одно и то же время, только в разных слоях (а это ему, “марксисту”, надо знать), сосуществует продукция разного времени. Видимо, этот “XV” том стóит XIV и на бирже учености — не создаст Павлу Никитичу ни славы, ни дивидендов»⁶⁹.

Весь 1927 г. прошел у Перетца под знаком борьбы против выдвижения кандидатуры Сакулина в академики от ОРЯС. Главной причиной отрицательного мнения о работах Сакулина являлось именно несогласие Перетца с его методологическими подходами к истории литературы. В своих отзывах Перетц указывал: «Работа проф. Сакулина “Социализм в русской литературе” и его две книжки, посвященные методологии истории литературы, — в сущности являются компиляциями, и притом тенденциозными. При этом тенденциозность

66 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 57об.–58об.

67 Сакулин Павел Никитич (1868–1930) — литературовед, академик Академии наук СССР (1929).

68 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 75. Л. 8.

69 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 85–85об.

их бьет мимо цели, о чем свидетельствуют журнальные отзывы “социалистов”, радикально расходящихся с проф. Сакулиным, ищущим всюду “социализм”, — даже там, где его никогда не было, и обосновывающего (в последних двух книжках) “социологический метод” в историко-литературном исследовании, сводя это последнее — к старой публицистической оценке творчества русских писателей, возвращая, таким образом, науку о литературе к ее донаучному состоянию». И далее: «Что касается работ проф. Сакулина по теории поэзии (см. в изд. Ак. Худ. Г. “Искусство”), то эта большая работа, как и некоторые доклады его, страдают тем недостатком, что являются отставшими от поступательного движения нашей науки примерно на 20 лет»⁷⁰.

Не менее тщательно Перетц проанализировал и работу Сакулина «Социологический метод в литературоведении»⁷¹. Вывод ученого был также неутешителен: «Автор ее — эклектик: он собирает свой мед со всех цветов без разбору и тщится примирить и объединить непримиримое и необъединимое — марксизм и идеализм; все это для того, чтобы обосновать свой “социологический метод”. Нашел ли он этот универсальный и единственный метод? Думается — нет, так как на с. 183 “Соц[иологического] мет[ода]” говорит, между прочим: “...во многих случаях, чтобы не дискредитировать метода, предпочтительнее пока (?) оставлять факты без социологического объяснения”. Этот печальный вывод получился у пр[офессор]а Сакулина потому, что он под “социологическим методом” подразумевает исключительно способ толкования, а не исследования литературных фактов, т. е. сводит дело к публицистике на основе литер[атурных] данных. Интересно, какой же другой метод автор книги предлагает “пока” — т. е. когда не рискует применить свой социологический? Говорю “свой” — ибо социология — наука еще недостаточно оформленная, и сколько социологов — столько “социологий” и столько же своеобразных социологических способов объяснения литературных памятников; иначе говоря, в зависимости от того, будет ли “социология” идеалистическая или материалистическая, — дело сводится к публицистике во имя временных, групповых и классовых идеалов... Как все это далеко от науки, ищущей истину и изобретающей методы, т. е. пути познания ее»⁷².

70 СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1166. Л. 23.

71 Сакулин П. Н. Социологический метод в литературоведении. М., 1925. 240 с.

72 СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1166. Л. 25об.

Близость методологических положений Перетца к формалистам не осталась незамеченной и для критиков формализма, относивших себя к марксистскому направлению. Известный литературовед П. Н. Медведев⁷³ в 1928 г. опубликовал специальное исследование о формализме⁷⁴. В бахтиноведении автором этой работы принято считать М. М. Бахтина⁷⁵.

Так, Медведев / Бахтин отмечал: «Может быть, некоторое значение в процессе развития формального метода имели работы и лекции акад. В. Н. Перетца по методологии истории русской литературы. Правда, они могли оказать влияние лишь возбуждением интереса к самим вопросам методологии литературоведения». В данном месте автор отсылал к наблюдениям Жирмунского. При этом далее Медведев / Бахтин решительно заявлял: «Сами же работы являлись образцом академического эклектизма и никаких положительных и продуктивных новых точек зрения не заключали в себе»⁷⁶.

О наступлении так называемых марксистов на формалистов Перетца, явно сочувствуя последним, с сарказмом замечал в письме Соболевскому 11 марта 1927 г.: «В общ[ественной] жизни — депрессия; воюют только “формалисты”, пытающиеся воскресить филологию, с “марксистами”, отрицающими все, кроме танца от печки»⁷⁷.

Развернутую критику методологических взглядов Перетца проделал П. Н. Берков⁷⁸, тогда еще начинавший свою научную карьеру крупнейший специалист по русской литературе XVIII в. Фактически вся его статья о Перетце в восьмом томе Литературной энциклопедии, опубликованном в 1934 г., посвящена анализу и критике взглядов

73 Медведев Павел Николаевич (1891–1938) — литературный критик, теоретик и историк литературы.

74 *Медведев П. Н.* Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928. 232 с.

75 См., например: *Пешков И. В.* «Делу» — венец, или еще раз об авторстве М. Бахтина в «спорных текстах» // Медведев П. Н. [Бахтин М. М.]. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику // Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000. С. 602–635.

76 *Медведев П. Н.* [Бахтин М. М.]. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. С. 237.

77 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 85об.

78 Берков Павел Наумович (1896–1969) — литературовед, член-корреспондент АН СССР (1960).

ученого. В своих оценках он явно солидаризировался с приведенной нами оценкой Перетца Медведевым / Бахтиным.

Берков отметил все работы Перетца, касавшиеся теоретических вопросов: «“О некоторых основных настроениях русской лит-ры в ее историческом развитии”, Киев, 1904; “Из лекций по методологии истории литературы”, Киев, 1914; “К вопросу об основаниях научной литературной критики”, “Ученые известия Самарского университета”, 1919, II; “Краткий очерк методологии истории русской литературы”, П., 1922)». Следует отметить, что проделанный им разбор, несмотря на все сопутствующие анализу обязательные идеологические оценки, представляет несомненный интерес. «В продолжение своей сорокалетней научной деятельности (первая печатная работа его вышла в 1892 г.) П. стоял на откровенно идеалистических позициях, что особенно отразилось в его трудах, специально посвященных проблемам методологии, к-рым П., в противоположность своим учителям (за исключением А. Веселовского), уделял серьезное внимание», — заявлял Берков. И далее: «П. не создал цельной и выдержанной историко-литературной концепции, являясь характерным представителем старого академического эклектизма, но, в отличие от других своих современников, подводя под него “теоретическую” базу».

В отличие от Медведева / Бахтина Берков считал влияние идей Перетца на формирование формализма существенным. Он приводил ряд цитат из работ ученого, в которых подчеркивалось значение формального метода. В частности, указывал на высказывание Перетца о том, что «при историко-литературном изучении вытекает “формальная точка зрения, единственно для нас возможная”». Из чего Берков заключал: «Это признание Перетца объективно открывало широкую дорогу тем формалистским штудиям, которые начали появляться в 1914–1916». И далее: «П. считает, что “изучение единой стороны литературных произведений историку литературы полезно для выяснения эволюции их формы”». При этом Берков все-таки полагал, что было бы «ошибкой квалифицировать методологию П. той поры как формалистскую: признавая формальный (“филологический”) метод “основой и главным, если не единственным путем” литературоведения (“Из лекций...”, стр. 216–222), П. вместе с тем утверждал, что “универсального (разрядка П.) метода нет, есть различные методы, путем коих мы изучаем, исследуем материал, сообразно его качествам и поставленным заданиям” (“Краткий очерк”, стр. 8; стр. 29–30)».

Берков, взявшись за критику методологических взглядов Перетца, не мог по известным обстоятельствам времени пройти мимо той

критики, которой ученый подверг «марксистский подход». Заметим, что и критика эта могла отразиться только в дореволюционном издании работ Перетца. Берков указывал, что ученый считает историю литературы «бесклассовой и при соблюдении известных методических требований совершенно объективной [...]». Поэтому, полагает П., “нельзя обязывать науку «истории литературы» следить за отражением в литературе «классовых противоречий», как этого требует марксистская критика (Фриче)” [...], и хотя “принадлежность художника к тому или иному классу, его классовые симпатии неизбежно отражаются в его творчестве”, но для представителя бесклассовой науки, “историка литературы, памятники литературные важны вовсе не потому, что отражают классовые интересы и симпатии, а потому, что сами в себе заключают свою своеобразную историю”».

В завершение своего анализа Берков отмечал, что «П. известен как прекрасный педагог, воспитавший ряд литературоведов “филологического” направления», и «стремление Перетца приблизиться к марксистскому литературоведению»⁷⁹. Учитывая то, что весной 1934 г., в год выхода тома энциклопедии, Перетц был арестован, перспектива его приближения к марксистскому методу представляется маловероятной.

После осуждения Перетца по «Делу славистов» его имя более чем на 20 лет исчезает из советской науки и возникает вновь накануне его реабилитации и восстановления в звании академика в 1957 г. В 1962 г. появляется большой биографический очерк о Перетце⁸⁰, в котором вскользь, на одной странице, упоминаются в том числе и его методологические работы. Но акцент в краткой характеристике данных исследований сделан на значении их как пособия для начинающих ученых⁸¹, без каких-либо упоминаний об элементах «формализма» в подходах Перетца к изучению литературы. Писать в эпоху единственно верной «марксистской» методологии о книгах, в названии которых присутствовало слово «методология», иначе было невозможно. Характерно, что и в статье о Перетце в «Краткой литературной энциклопедии», автором которой, как и очерка, также была В. П. Адрианова-

79 Берков П. Перетц Владимир Николаевич // Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1934. Т. 8. Стб. 536–538.

80 Адрианова-Перетц В. П. Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) // Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 206–233.

81 Там же. С. 225.

Перетц⁸², работы ученого по методологии вообще не упоминаются⁸³. В знаменитой «Текстологии» Д. С. Лихачева Перетц представлен как создатель школы текстологов, его работа охарактеризована как «единственное для дореволюционной науки краткое руководство по текстологии»⁸⁴.

С начала 1990-х гг. имя Перетца как теоретика литературы стало мелькать в работах, посвященных формализму, и, наконец, в 2010 г., спустя 88 лет, в России⁸⁵ появилось второе издание его «Краткого очерка методологии»⁸⁶, снабженное обширным предисловием украинского ученого С. К. Росовецкого⁸⁷ и научной биографией Перетца, написанной московским исследователем, специалистом по истории социальных и гуманитарных наук А. Н. Дмитриевым⁸⁸. Росовецкий поместил в интернете значительно расширенный вариант предисловия⁸⁹, дополнив его разделы говорящими заголовками: «Методология литературоведения в “Кратком очерке...”: Воплощение традиций общеевропейской филологии»; «Методологическое новаторство “Краткого очерка...”: “Филологический метод”»; «Методологическое новаторство “Краткого очерка...”: Манифестация формализма».

82 Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888–1972) — литературовед, член-корреспондент Академии наук СССР (1943).

83 *Адрианова-Перетц В. П.* Перетц Владимир Николаевич // Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стб. 671–672.

84 *Лихачев Д. С.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII веков). Л., 1983. Изд. второе. С. 35.

85 За границей репринты обеих книг Перетца были выпущены издательством Mouton в 1969 и 1970 годах (*Дмитриев А. Н.* К биографии академика В. Н. Перетца // Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. М., 2010. С. 35).

86 *Перетц В. Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. М., 2010. 244 с.

87 *Росовецкий С. К.* Памятник истории литературоведения — или университетское пособие на все времена? // Перетц В.Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. С. 3–24.

88 *Дмитриев А. Н.* К биографии академика В. Н. Перетца // Там же. С. 25–35.

89 *Росовецкий С. К.* Об академике Владимире Николаевиче Перетце (1870–1935) URL: <http://aej.org.ua/History/1440.html> (дата обращения: 20.03.2020).

Отмечая, что в русской традиции начало «изучения истории формализма в литературоведении» возводят к работе «В. Б. Шкловского “Воскрешение слова”, вышедшей из печати в 1914 г. в Петербурге», а в американской указывают на то, что ведущую «роль в возникновении течения сыграл Р. Якобсон», Росовецкий призывает обратить внимание на время, когда Перетц впервые сформулировал свои теоретические воззрения.

Возможно, что смелое предположение Росовецкого и не найдет поддержки у историков русского формализма, тем не менее мы полагаем необходимым его привести. Итак, исследователь пишет: «Если речь заходит о приоритете, то стоит припомнить, что В. Н. Перетц десятью годами раньше В. Шкловского, а именно в отзыве на магистерскую диссертацию А. М. Лободы “Русские былины о сватовстве” (1904), писал, что “историк литературы является лишь исследователем приемов и способов, которыми создается литературное явление как таковое”, его наука “имеет дело с формулами, а с реальной действительностью — история”»⁹⁰.

Новое издание «Краткого очерка» окончательно закрепляет за методологическими трудами Перетца его значение как крупного теоретика, не только опередившего своих коллег-современников, специалистов по древнерусской и украинской литературе раннего Нового времени, но и находившегося на острие развития всей науки о литературе.

Источники и литература

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ).
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН).

Адрианова-Перетц В. П. Перетц Владимир Николаевич // Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стб. 671–672.

Адрианова-Перетц В. П. Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) // Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 206–233.

⁹⁰ Росовецкий С. К. Памятник истории литературоведения... С. 18.

Балухатый Сергей Дмитриевич // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929. Т. 1. Стб. 717.

Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000. 640 с.

Берков П. Перетц Владимир Николаевич // Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1934. Т. 8. Стб. 536–538.

Виноградов В. В. Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» // Начала. Пг., 1921. № 1. С. 82–105.

Жирмунский В. М. К вопросу о «формальном методе» // Вальцель О. Проблема формы в поэзии. Пг., 1923. С. 8–23.

Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Задачи и методы изучения искусств. Пг., 1924.

Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд. Л., 1983. 645 с.

Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928. 232 с.

Назаренко Я. А. История русской литературы XIX в. Л.; М., 1925. IV+384 с.

[*Н. Л.*] Назаренко Яков Антонович // Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1934. Т. 7. Стб. 575.

Перетц В. Н. Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучения. Методы. Источники / Корректированное издание на правах рукописи. Киев, 1914. VIII, 496 с.

Перетц В. Н. Кукольный театр на Руси. Исторический очерк // Ежегодник имп. театров, сезон 1894–1895 г. 1895. Кн. 1. С. 85–185. Приложение.

Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. Пг., 1922. 164 с.

Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. М., 2010. 246 с.

Пытин А. Н. История русской литературы. СПб., 1898–1899. Т. 1–4.

Рождественская М. В. К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932–1947 гг.) // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1989. Т. 42. С. 3–52.

Росовецкий С. К. Об академике Владимире Николаевиче Перетце (1870–1935). URL: <http://aej.org.ua/History/1440.html> (дата обращения: 20.03.2020).

Сакулин П. Н. Социологический метод в литературоведении. М., 1925. 240 с.

Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. Участники Семинария — своему руководителю. Л., 1929. 58 с.

Семинарий русской филологии при императ. Университете св. Владимира под руководством проф. В. Н. Перетца. 1 пятилетие 1907–1912. Киев, 1912. 64 с.

Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. 1848–1908 гг. СПб., 1909. 7-е изд. VIII+487 с.

Тоддес Е. А., Чудаков А. П., Чудакова М. О. [Комментарий к статье «Литературный факт»] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / сост. Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М., 1977. С. 507–518.

Чудакова М. О. [Комментарий к статье «Георгий Маслов»] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / сост. Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М., 1977. С. 450–453.

Якобсон Р. О. Формальная школа и современное русское литературоведение. М., 2011. 280 с.

References

Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (Saint Petersburg).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (Moscow).

Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Moscow).

Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN (Saint Petersburg).

Adrianova-Peretts, V. P. “Peretts Vladimir Nikolaevich.” *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia*. Moscow, 1968, vol. 5, stb. 671–672.

Adrianova-Peretts, V. P. “Vladimir Nikolaevich Peretts (1870–1935).” *Peretts, V. N. Issledovaniia i materialy po istorii starinnoi ukrainskoi literatury XVI–XVIII vekov*. Moscow; Leningrad, 1962, p. 206–233.

Bakhtin, M. M. (pod maskoi). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiia iazyka. Stat'i*. Moscow, 2000, 640 p.

“Balukhatyi Sergeii Dmitrievich.” *Literaturnaia entsiklopediia: V 11 t*. Moscow, 1929, vol. 1, stb. 717.

Berkov, P. “Peretts Vladimir Nikolaevich.” *Literaturnaia entsiklopediia: V 11 t*. Moscow, 1934, vol. 8, stb. 536–538.

Chudakova, M. O. “[Kommentarii k stat'e «Georgii Maslov»].” Tynianov, Iu. N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* / eds. Toddes, E. A.; Chudakov, A. P.; Chudakova, M. O. Moscow, 1977, p. 450–453.

Iakobson, R. O. *Formal'naia shkola i sovremennoe russkoe literaturovedenie*. Moscow, 2011, 280 p.

Likhachëv, D. S. *Tekstologia. Na materiale russkoï literatury X–XVII vekov*. 2-e izd., Leningrad, 1983, 645 p.

Medvedev, P. N. *Formal'nyĭ metod v literaturovedenii. Kriticheskoe vvedenie v sotsiologicheskuiu poëtik*. Leningrad, 1928, 232 p.

Nazarenko, Ia. A. *Istoriia russkoï literatury XIX v.* Leningrad; Moscow, 1925, IV, 384 p. [N. L.] “Nazarenko Iakov Antonovich.” *Literaturnaia èntsiklopediia*: V 11 t. Moscow, 1934, vol. 7, stb. 575.

Peretts, V. N. *Iz leksiĭ po metodologii istorii russkoï literatury: Istoriia izucheniia. Metody. Istochniki / Korrekturnoe izdanie na pravakh rukopisi*. Kiev, 1914, VIII+496 p.

Peretts, V. N. *Kratkiĭ ocherk metodologii istorii russkoï literatury. Posobie i spravochnik dlia prepodavatelei, studentov i dlia samoobrazovaniia*. Petrograd, 1922, 164 p.

Peretts, V. N. *Kratkiĭ ocherk metodologii istorii russkoï literatury. Posobie i spravochnik dlia prepodavatelei, studentov i dlia samoobrazovaniia*. Moscow, 2010, 246 p.

Peretts, V. N. “Kukol'nyĭ teatr na Rusi. Istoricheskiĭ ocherk.” *Ezhegodnik imp. Teatrov, sezon 1894–1895 g.* 1895, book 1, p. 85–185, attachment.

Pypin, A. N. *Istoriia russkoï literatury*. Saint Petersburg, 1898–1899, vol. 1–4.

Rozhdestvenskaia, M. V. “K istorii Otdela (Sektora) drevnerusskoï literatury IRLI AN SSSR (1932–1947 gg.)” *Trudy otdela drevnerusskoï literatury*. Saint Petersburg, 1989, vol. 42, p. 3–52.

Rosovetskiĭ, S. K. *Ob akademike Vladimire Nikolaeviche Perettse (1870–1935)*. URL: <http://aej.org.ua/History/1440.html> (accessed: 20.03.2020).

Sakulin, P. N. *Sotsiologicheskiiĭ metod v literaturovedenii*. Moscow, 1925, 240 p. *Seminariĭ russkoï filologii akad. V. N. Perettsa. Uchastniki Seminariia — svoemu rukovoditel'iu*. Leningrad, 1929, 58 p.

Seminariĭ russkoï filologii pri imperat. Universitete sv. Vladimira pod rukovodstvom prof. V. N. Perettsa. I piatiletie 1907–1912. Kiev, 1912, 64 p.

Skabichevskiĭ, A. M. *Istoriia noveĭsheĭ russkoï literatury. 1848–1908 gg.* Saint Petersburg, 1909, 7-e izd., VIII+487 p.

Toddes, E. A.; Chudakov, A. P.; Chudakova, M. O. “[Kommentariĭ k stat'e «Literaturnyĭ fakt»].” Tynianov, Iu. N. *Poëtika. Istoriia literatury. Kino* / eds. Toddes, E. A.; Chudakov, A. P.; Chudakova, M. O. Moscow, 1977, p. 507–518.

Vinogradov, V. V. “Siuzhet i kompozitsiia povesti Gogolia «Nos».” *Nachala*. Petrograd, 1921, № 1, p. 82–105.

Zhirmunskiĭ, V. M. “K voprosu o «formal'nom metode».” Val'tsel', O. *Problema formy v poëzii*. Petersburg, 1923, p. 8–23.

Zhirmunskiĭ, V. M. “Zadachi poëtiki.” *Zadachi i metody izucheniia iskusstv*. Petersburg, 1924.

Mihail A. Robinson

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The theoretical innovation of V. N. Peretz in the field of methodology
for studying the history of literature.

To the 150th anniversary of the birth of the researcher

The article analyzes the methodological views of the academician V. N. Peretz, an outstanding Russian researcher and teacher. Refusing to follow the canons of the cultural-historical school of Russian literary criticism, in his works “From Lectures on the Methodology of the History of Russian Literature” (Kiev, 1914) and “A Brief Essay on the Methodology of the History of Russian Literature” (Petrograd, 1922) the researcher tried to find new approaches to the analysis of literary works. He believed that “the history of literature examines and studies the formal side of the works of verbal creativity, its evolution, leaving the cultural historian to study the content, the ideological side of the monuments of the past as such.” Peretz’s judgments were similar to those adopted by the followers of the OPOYAZ school (The Society for the Study of Poetic Language), and even had a certain influence on the development of formalism at the initial stage. This circumstance was noted by such researchers close to this research community as V. M. Zhirmunsky and its active members like Roman Jakobson. The relationship of Peretz’s theoretical positions with the methods of the Russian formalist school caused criticism from the followers of “Marxist” methodology in the 1920s. In the disputes between the formalists and the “Marxists”, Peretz clearly sympathized with the former believing that they were trying to “resurrect philology.” Peretz himself characterized his “Methodology” as “not Marxist” and had faint hopes for the possibility of its publication, although he continued to work on it. However, he never finished and published the extended version. His “Short Sketch” was reprinted twice abroad before being printed again in his homeland in 2010, 88 years after the first edition.

Keywords: *V. N. Peretz, V. M. Zhirmunsky, R. O. Jakobson, P. N. Sakulin, methodology, history of literature, Russian formalism.*